

Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории, 1998, №4, с.26-40

Трансформационные процессы, происходящие в посткоммунистической России, стимулировали профессиональный и общественный интерес к истории западного и русского либерализма. Поражение коммунистической доктрины и политики в странах Восточной Европы и СССР обусловило настоятельную потребность в новой системе мировоззренческих ценностей, адекватной трансформационным изменениям 80—90-х годов XX века. Именно этим, прежде всего и объясняется рост интереса профессионалов-обществоведов, научной общественности, политических элит к ценностям либерализма, который является базовой идеологией и политикой ведущих западноевропейских стран. Одновременно на страницах новейших публикаций (прямо или косвенно) продолжается дискуссия об исторических судьбах и перспективах либерализма в современной России.

В 90-е годы в России опубликован ряд крупных монографий¹, сборников (особо следует выделить сборник «Либерализм в России», подготовленный Институтом философии РАН²), десятки статей в научных журналах³. Предпринята не имеющая аналогов в мировой практике, серийная многотомная публикация документов и материалов основных российских либеральных партий⁴. В последние годы переизданы труды видных теоретиков и идеологов западноевропейского и русского либерализма, переведены на русский язык монографические исследования и статьи ряда западных ученых⁵; проведено несколько весьма представительных международных и общероссийских научных конференций и симпозиумов, посвященных рассмотрению комплекса проблем истории русского либерализма⁶. В течение 1995—1996 гг. при журнале «Открытая политика» работал семинар на тему «Либерализм: идеи, опыт, современность», в котором приняли участие философы, политологи, социологи, историки, экономисты, юристы, а также действующие политики либерально-демократической ориентации⁷.

Анализ огромного и вместе с тем разноуровневого пласта научных разработок позволяет сделать ряд предварительных наблюдений. Если десять лет назад разработкой проблем русского либерализма по преимуществу занимались историки, экономисты и юристы, то в последнее время к ней активно подключились философы, политологи и социологи. Тенденцию к соединению усилий обществоведов разных специальностей следует признать давно назревшей. Положительным моментом является также соединение усилий зарубежных и отечественных исследователей в изучении либерализма как общемирового явления. В этом плане можно говорить о том, что в 90-е годы начался качественно новый этап в изучении и осмыслении проблем либерализма. При этом существенно изменились теоретические, методологические и методические подходы к проблеме, которая из страноведческой стала общемировой. Существенные результаты достигнуты в изучении западноевропейской историографии. В статьях Н.Г.Думовой, А.Н.Медушевского, И.В.Нарского, Р.Л.Арсланова обстоятельно проанализирована англо-американская, германская и французская литература, показаны ее достижения, выявлен круг малоизученных и дискуссионных вопросов в истории как западного, так и русского либерализма⁸.

Вместе с тем в последнее время обратил на себя внимание ряд негативных тенденций. Во-первых, появилось немало статей конъюнктурного характера, авторами которых являются бывшие марксологи, отказавшиеся от разделяемых ими недавно коммунистических ценностей и начавших оперативно выполнять новый социальный заказ по внедрению в общественное сознание либеральных ценностей.

Во-вторых, разработка проблем либерализма представителями разных обществоведческих дисциплин продолжает, к сожалению, реализовываться в так называемом автономном режиме, без учета достижений в смежных науках. Полученные в ходе исследований результаты слабо коррелируются друг с другом и не всегда складываются в

целостную картину.

В-третьих, плюрализм подходов и позиций, суждений и мнений по данной проблеме уже достиг «критической массы». В результате проблема русского либерализма как целое оказалась и теоретически, и историографически фрагментированной, а это (рано или поздно) может привести к «размытию» ее контуров. В принципе прав В.Ф.Пустарнаков, который, подытоживая современное историографическое состояние разработки русского либерализма, пишет: «Пока затрудняюсь сказать: есть ли вообще какие-то существенные концептуальные точки соприкосновения между современными авторами, пишущими по истории русского либерализма. По-разному выглядят у них сущностные признаки либерализма, нет сходства в понимании состава российской „либеральной семьи“, снова просматриваются существенные различия в периодизации истории либерализма в России, по-прежнему нет ясности в понимании соотношения „либерализм и философия“ и т.д. И совсем удивительно слабой выступает связь исторического исследования с современностью, хотя такая связь нередко публично декларируется» (с. 21).

Наконец, далеко не редки случаи переноса современных представлений, оценок и суждений на прошлое либерализма, что ведет к модернизации его истории. «Осовременивание» истории как западного, так и русского либерализма явно не способствует правильному пониманию его генезиса, стадий формирования и эволюции, его философских основ, доктрины, программатики, организационных структур и их трансформации, стратегии и тактики политического действия.

В литературе сосуществует множество определений понятия «либерализм» (с. 30—48). В «Философско-энциклопедическом словаре» (1983 г.) читаем: «Либерализм (от лат. *liberalis* — свободный) — идейно-политическое движение, объединяющее сторонников буржуазно-парламентарного строя и буржуазных „свобод“ в экономической, политической и других сферах». В последние годы понятие «либерализм» раскрывается с иных позиций. «Либерализм, — подчеркивается в энциклопедическом словаре „Политология“ (1993 г.), — это интеллектуальная и нравственная установка на такую организацию общественной жизни, которая построена на признании политических и экономических прав индивида в пределах, ограниченных действием законов, понимаемых как обобщение естественных потребностей нормальных цивилизованных людей». Заслуживает внимания характеристика либерализма, данная К.С.Гаджиевым, который вслед за Б.Кроче считает либеральную концепцию метаполитической. «Это система воззрений и концепций в отношении окружающего мира, тип сознания ассоциируется с конкретными политическими партиями или политическим курсом. Это, — подчеркивает автор, — одновременно теория, доктрина, программа и политическая практика» "".

Вместе с тем следует иметь в виду, что либерализм, прежде чем стать метаполитической мировоззренческой системой, прошел длительный путь генезиса и трансформационных изменений, содержание и степень глубины которых зависели от конкретных исторических условий. Исследователи, которые придерживаются принципов историзма, различают стадии эволюции либерализма и, следовательно, характерные для каждой из них объем самого понятия и его составляющие. «Актуальность либерализма для политической теории, — пишет Б.Г.Капустин, — доказуема лишь при условии, что либерализм, во-первых, является *становящейся* мыслью, во-вторых, его становление соразмерно и *соответственно движению* некоторой сущностной проблемы Современности» (с. 48). Поэтому весьма актуальны попытки ряда современных исследователей найти (или выделить) *инвариант* либерализма.

По мнению Капустина, «твердым ядром», характерным для типа мышления и типа образа действия либералов, является «проблема бытия человека в Новое время». Либерализм, считает он, становится «первой и осевой идеологией Современности, лишь „ухватив“ данную проблему». Саму же проблему бытия человека в Новое время Капустин видит в следующем: «Осуществимость общественного порядка, общежития вообще, если в их основу кладется

индивидуальная свобода, понимаемая как право (т. е. способность и возможность) человека *действовать по своему усмотрению*» (с. 49). Поэтому «предназначение свободы частного лица как отправного пункта построения социально-политической теории образует линию, отграничивающую семью либерализма как от до-Современных концепций свободы (включая протолиберальные воззрения Нового времени, например, Монтеня и Спинозы, по-разному обосновывавшие свободы совести и слова, веротерпимости и т.д. и вошедшие позднее важными элементами в либеральную идеологию), так и от консервативных и социалистических теорий» (с. 50).

Иную точку зрения по данной проблеме высказывает А. А. Кара-Мурза, который считает, что либеральный ответ на универсальный вопрос политической мысли: «*Как возможен социальный порядок, если он в данный момент отсутствует или находится под угрозой?*» — состоит в следующем: «Общественный порядок возможен тогда и постольку, когда и поскольку допущена свобода человеческой личности». При этом автор акцентирует внимание на том, что речь должна идти не просто об «индивиде», а именно о «человеческой личности». В этом принципиальном различии, продолжает он, «вся соль либерального ответа на вопрос о возможности социального порядка». По его мнению, либеральная идея является *социализирующей*, выполняющей *стабилизирующую* функцию и *спасающей* цивилизацию от «нового варварства», идущего, в частности, и от «старой власти». Поэтому «удержать социальность не властью тотальной государственности (она исторически исчерпала себя и сама стала источником беспорядка), а с помощью власти общества, предоставления личности автономного пространства и доминирования правового закона — вот главные тезисы либерализма» (с. 56,58).

Из этих общетеоретических посылок Кара-Мурза делает четыре вывода. «*Первое*: архаичный социум, построенный на принципах нормативного распределения, вообще не нуждается ни в каком либерализме, равно как и в „свободе“, „демократии“ и пр. *Второе*: в динамично развивающемся обществе в ситуации, когда старые регуляции перестают выполнять свои интегративные функции, либеральное решение, напротив, может оказаться единственно спасительным для социального порядка. *Третье*: либерализм, занесенный „извне“, из органического контекста в контекст, где он объективно нереален, часто вырождается в деструктивный индивидуализм, инспирируя общественный хаос. Наконец, *четвертое*: если порядок по-старому уже не удерживается, попытки жесткой реставрационной „сборки“ ведут к еще большему развалу; если „либеральная подстраховка“ социально не подготовлена, то социум может оказаться бессильным перед натиском „нового варварства“». Итоговый вывод автора сводится к следующему: «Задачей либерализма стала, таким образом, не декларация свободы „индивида вообще“, а защита свободы личностей, достигших определенного уровня развития и доказавших (на основе выдвинутых либерализмом критериев) свой цивилизационный статус» (с. 58),

За необходимость выявления *инвариантного ядра* либерализма выступает и Пустарнаков, один из инициаторов и наиболее активных авторов сборника «Либерализм в России». По его мнению, либерализм — «плод новой западноевропейской истории, эпохи капитализма, вступившего в стадию своей относительной зрелости, а главное — в стадию сознания своей идентичности. Либерализм явился наиболее адекватным ответом на новую социально-политическую и экономическую реальность, связанную со сменой средневекового, феодального строя строем буржуазным, в значительной степени освободившимся от утопических форм своей идеологии, особенно идеологии Просвещения». Подытоживая свои размышления о сущности либерализма, Пустарнаков дает следующее определение: «Либерализм — это *теория, доктрина*, а не просто мироощущение; это также специфическое мировоззрение и идеология; это и определенная *социально-экономическая, политико-правовая и культурная установка*» (с. 62,61).

Суждения современных философов следует признать продуктивными для творческого осмысления исторических судеб и перспектив как западного, так и особенно русского

либерализма. Относительно последнего, такая общетеоретическая постановка вопроса предпринята впервые и позволяет во многом по-новому взглянуть на его генезис, формирование, эволюцию. В принципе можно согласиться и с общей посылкой, что либерализм как система сформировался в Новое время. Вместе с тем следует иметь в виду, что либеральная идея индивидуальной свободы представляет собой универсальную общечеловеческую идею, уходящую своими корнями в античность. Идея индивидуальной свободы — атомарной (Капустин) или социализированной (Кара-Мурза) личности — обусловлена свободной волей человека, который по мере осознания собственного «Я» и выделения из «Мы» освобождается от традиционных представлений и предрассудков о фатальной предопределенности собственной судьбы, становится ответственным и за свой выбор, и за свои действия по отношению к другому «Я» и социуму в его целом, «Гносеологической» предпосылкой либерального мировоззрения, подчеркивает Гаджиев, служит выявление человеческой индивидуальности, осознание ответственности человека за свои действия как перед самим собой, так и перед обществом, утверждение представления о равенстве всех людей в своем врожденном, естественном праве на самореализацию». Идея индивидуальной свободы прочно вошла во многие мировоззренческие доктрины, но только в либерализме она стала системообразующей. Все остальные структурные элементы, составляющие систему либеральных ценностей, выполняют функции предпосылок и условий для наиболее адекватной самореализации человека.

Сложность состоит в том, чтобы безошибочно «ухватить» сам процесс «сборки» либеральной системы ценностей в определенный *тип*: «уловить» «стыки» и «переходы» от одного *типа* к другому, сохраняя при этом, с одной стороны, все сущностные признаки данного *типа*, а с другой — учесть те перемены, которые происходят в самой системе, включая и изменения в приоритетах ее «несущих» конструкций.

В историко-философской литературе эта проблема обстоятельно раскрывается применительно к анализу типов и стадий западного либерализма ". В зависимости от применения тех или иных нормативно-методологических критериев исследователи выделяют следующие типы либерализма: классический, постклассический, неолиберализм, либертанство, социал-либерализм, национал-либерализм и т. д. Одновременно дается характеристика стадий эволюции каждого типа. Г. Самуэль, характеризуя классический тип западного либерализма, выделял пять стадий: интеллектуальную, экономическую, политическую, демократическую и социальную. Капустин выделяет три основных типа социально-философских концепций либерализма: гносеологический, онтологический и технологический ". Существует и страноведческая типологизация либерализма: англосаксонский, континенталь-ноевропейский и т. д.

Историографический анализ позволяет высказать ряд замечаний. Во-первых, будучи именно историческим (а не внеисторическим, как считает германский политолог Г. Ромозер ") явлением (как в смысле генезиса идеи идей, так и в смысле их «сборки» в ценностную систему), либерализм, прежде чем сложиться в определенный *тип*, проходит в своем развитии ряд стадий, протяженность которых зависит от совокупности объективных и субъективных факторов. Для развитых западноевропейских стран характерна естественная последовательность смены стадий и типов либерализма. В странах же догоняющего типа развития (второго или третьего эшелона), которые, как правило, заимствуют передовые идеи и технологии, наблюдается не только «сжатие» стадий, но и иной порядок «сборки» системы либеральных ценностей.

Во-вторых, завершение «сборки» либеральной системы ценностей (*типа*) не означает прекращения его дальнейшей эволюции и трансформации. В отличие от других мировоззренческих систем, прекративших свое существование, либерализм представляет собой *открытую ценностную систему*, способную и к самонастройке, и к самотрансформации, более или менее отвечающим ходу модернизации исторической среды.

В-третьих, соглашаясь с идеей Капустина об «общей семье либерализма» ", следует,

однако, иметь в виду, что данная «семья» представляет собой сложносоставной живой организм, который, находясь в разных исторических измерениях, в разных странах, проявляет себя по-разному. Недаром попытки некоторых исследователей механически перенести критерии оценок с одного типа или стадии либерализма на другой его тип и стадию оказываются малопродуктивными.

То обостряясь, то затухая, продолжается обсуждение вопроса о генезисе русского либерализма. Ряд исследователей вслед за В.В.Леонтовичем утверждает, что русский либерализм представляет собой западный «трансплантат», который якобы, с одной стороны, не имеет каких-либо традиций в русской общественной мысли, а с другой — попал в чуждую ему социальную среду. По мнению Ромозера, «в России, помимо всего прочего, нет ни либеральной традиции, ни либеральной философии, нет и каких-то благоприятных для развития либерального сознания общественных условий». И.Ф.Худушина прямо называет русский либерализм «сколком» с западного и считает, что «энергетическое ядро» либерализма — индивидуализм «остался за пределами российского восприятия либеральных идей и либеральной практики». Давая общую оценку русским либералам, А.В.Соболев пишет: «Их попытки пересадить на русскую почву готовые западноевропейские формы обусловлены невниманием к творческим процессам, создающим эти формы. Неспособность понять, что все политические и экономические программы западноевропейских либералов принципиально ситуационны, объясняется отсутствием у русских псевдолибералов-позитивистов органов для постижения ситуации, то есть отсутствием духовной глубины, позволяющей развить те познавательные способности, которые лишь для краткости охватываются единым термином „интуция“»^{1*}.

Другие исследователи, наоборот, утверждают, что «либерализм — одна из интеллектуальных традиций русской общественной мысли». К этой точке зрения отечественных философов близок А.Валицкий, который подчеркивает, что «русская интеллектуальная мысль начала XX в. развивалась в том же русле, что и западная, а отнюдь не отставала от нее»¹¹.

Едва ли нужно специально показывать, что проблема заимствования идей и технологий представляет собой всемирную закономерность. Вопрос в другом: кто, что и как заимствует? Соотнесены или нет заимствованные идеи с исторической средой? Отражают они или нет общественную потребность данной страны? В последнее время проблема заимствования поставлена и основательно рассмотрена Л.В.Селезневой. В ее монографии впервые в отечественной литературе в общетеоретическом, методологическом и конкретно-историческом плане поставлен вопрос о *культуре заимствования*, раскрыт механизм заимствования западных либеральных идей русской интеллектуальной элитой. Высказан и ряд критических замечаний относительно бытующего в литературе утверждения, что русские либералы начала XX в. были приверженцами английской модели политического устройства. Как и Медушевский, который, широко используя сравнительные методы, одним из первых в отечественной литературе обосновал мысль о континентально-европейских источниках заимствования либеральных идей, Селезнева делает общий вывод: «Сравнительный анализ показал доминирование немецкого влияния как относительно государственного устройства, так и в сфере партийно-политических отношений». Думаю, что более верен другой вывод Селезневой: «Итоговая либеральная модель имела интерактивный характер»¹¹¹.

При дальнейшей разработке проблемы заимствования следует, очевидно, учитывать ряд обстоятельств Во-первых, к вопросу о заимствовании надо подходить исторически, принимая во внимание как время, так и условия зарождения источников и элементов заимствования в странах-донорах (например, англосаксонского и континентальноевропейского типа либерализма); во-вторых, русский либерализм, как и любой другой, представлял собой сложносоставное явление и был неоднородным не только на интеллектуальной стадии, но и особенно на стадии его трансформации в социально-политическое движение; в-третьих, среди русских либералов были сторонники как англосаксонской, так и

континентально-европейской модели либерализма.

В историко-философской литературе проанализированы трудности формирования либерализма в России. Здесь, пишет Капустин, «обнаружилось отсутствие всех или почти всех условий, которые позволили на Западе в свое время канализировать освободительное стремление максимализации частной выгоды в экономический интерес, создающий систему всеобщей полезности, причем сделать это не авторитарно-деспотическими методами»¹¹¹. По мнению Пустарнакова, «первые страницы истории либерализма в России связаны с проникновением сюда либеральных идей по законам идейных взаимосвязей, влияний субъектов влияния на объект, частичных или полных заимствований, ассимиляции заимствованных идей в инациональной культурной среде, их приспособления к ней и т. д.». Однако, продолжает автор, «на самых ранних стадиях» заимствования из работ западноевропейских либералов, произведенные русскими мыслителями, «были обречены на неадекватность их воспроизведения и интерпретации, на неизбежную их трансформацию». И лишь со временем, «когда социальная действительность России становилась все более похожей на западноевропейскую действительность, породившую либерализм, тогда стали возникать возможности более адекватного восприятия русскими мыслителями западноевропейских либеральных идей и возможности возникновения либеральных идей под воздействием новой социальной действительности в самой России» (с. 360).

Думаю, что едва ли нужно специально доказывать, что на пути формирования русского либерализма встретилось немало препятствий как объективного, так и субъективного порядка. По выражению Кара-Мурзы, русский либерализм развивался в «пространстве повышенного исторического риска» (с. 370). Продолжая эту мысль, можно сказать, что с момента своего зарождения и до конца существования русский либерализм нес на себе «родимые пятна», свойственные странам догоняющего типа развития. Если на Западе генезис и формирование либеральной доктрины и политики были так или иначе согласованы с темпом формирования гражданского общества и его институтов, с уровнем развития общественной мысли в широком понимании этого слова и, следовательно, объективными общественными потребностями, то в России наблюдался несколько иной порядок.

Русские интеллектуалы (сначала в одиночку, а затем небольшими группами), заимствуя западные идеи, пытались насадить их «сверху» в традиционную и малоподготовленную к их восприятию среду, рассчитывая на медленную ее трансформацию в гражданское общество и правовое государство. Если на Западе либерализм (как доктрина и как политика) выступал в качестве мировоззренческой антитезы традиционной системе представлений, традиционным структурам и институтам, то в России либерализм длительное время формировался «не в открытой конфронтации с социально-экономической системой феодализма, а в его рамках»¹¹².

Либеральные идеи в России стали распространяться в период, когда авторитарный режим еще не утратил способности к историческому творчеству, был в состоянии отвечать на вызовы времени, проводить «сверху» разноуровневые реформы, которые способствовали стабилизации политической обстановки и динамичному экономическому развитию. Учитывая эти обстоятельства, носители либеральных идей стремились использовать творческий потенциал режима и, опираясь как на носителя верховной власти, так и на либерально настроенных бюрократов, рассчитывали направить общественное развитие в приемлемое русло.

Если на Западе либерализм формировался как идеология среднего класса, который в борьбе с феодальными порядками широко использовал самые крайние насильственные меры, включая и массовый террор (о чем, кстати, как западные, так и современные отечественные исследователи предпочитают не вспоминать), то в России провозвестниками либерализма выступили представители дворянства и интеллигенции, стремившиеся до самого последнего, крайнего предела искать компромисс с традиционными социальными и политическими силами, рассчитывая избежать насильственного решения объективно назревших проблем.

Если на Западе демократия в широком смысле этого слова возникла как альтернатива либерализму, уже сложившемуся в открытую ценностную систему и способному, так или иначе, адаптироваться к демократическим ценностям, а некоторые из них включить в свою доктрину и политику, то в России либерализм формировался в условиях уже существующей демократической традиции, выступая в конечном счете альтернативой ей. «В России,— пишет И.К.Пантин, — ценности либерализма так и не смогли оплодотворить демократическую идеологию и массовое сознание». Не случайно, что в русском либерализме по мере его формирования шел процесс накопления консервативных черт и тенденций, о чем уже неоднократно говорилось в историко-философской литературе. В.И.Приленский выделяет пять особенностей русского либерализма, отличающих его от западного: «Это — отсутствие у либеральной мысли прочной социальной поддержки в обществе, ее антидемократический характер, принцип монархизма, сильное и ярко выраженное консервативное начало и отсутствие в первоначальный период гражданских свобод в российском обществе» (с. 358).

Обобщая вышесказанное, можно утверждать: исторические особенности развития России обусловили и формирование особого типа русского либерализма, занявшего собственное место в «общей семье либерализма» и обогатившего ее новыми идеями и новым видением проблем современности.

В исторической и особенно философско-политологической литературе содержится плодотворная попытка выявить круг этих новых идей, которые в результате их «сборки» и создали новую систему либеральных ценностей (тип) русского либерализма. Прежде всего речь идет о постановке и разработке русскими либералами-интеллектуалами комплекса вопросов: философия прав личности, включая и право на достойное человеческое существование; нравственно-этические нормы в политике; солидарность; отношение государства и личности; личность и общество; демократия и ее институты; урегулирование экономических и социальных отношений; решение национальных и конфессиональных вопросов в полиэтнической и многоконфессиональной стране. Вполне можно согласиться с выводом И.Д.Осипова о том, что философия права русского либерализма являлась феноменом «опережающего» мышления, которое в духовно-практической деятельности преодолеvalo рамки, поставленные ему временем, а «этика русского либерализма была этикой гражданского служения государству, обществу и людям, была государственной и социальной этикой».

По Валицкому, особенностью русского либерализма было то, что он делал акцент «на автономию права от политики, на логический и аксиологический приоритет правовой культуры над политической свободой». Л.И.Новикова и И.Н.Сиземская подчеркивают, что «в определении свободы русский либерализм воспринял не только западные идеи, но и отечественную гуманистическую традицию. Абстрактно-всеобщие формы правового равенства, характерные для европейского либерализма, в России наполнились конкретно-гуманистическим содержанием, в частности идеалом „правды“, сочетающим принципы равенства и справедливости и вносящим в гражданское общество высокий нравственный потенциал».

Характеризуя сущностные черты «нового либерализма» в России, Новикова и Сиземская отмечают, что его представители, сохраняя основное ядро западного либерализма, дополнили и развили его в трех основных направлениях: в интерпретации прав человека (правопритязание по отношению к государству); в понимании принципа равенства (равенство исходного положения); в истолковании собственности. Конкретизируя содержательную сторону данных направлений, авторы обращают внимание на следующие моменты: во-первых, каждое лицо имеет право требовать от государства известного минимума социальных благ (право на образование, социальное обеспечение и т. д.); во-вторых, признание «непроницаемого ядра личности» служит гарантией против превращения ее в средство для достижения чуждых ей целей и дает право на сопротивление этому всеми

доступными средствами; в-третьих, идея права дополняется идеей блага, гарантируемого государством; в-четвертых, понятие собственности распространяется на условия труда, сам труд и продукты труда, в том числе и продукты труда духовного; в-пятых, демократия понимается как запрет любому считать себя выразителем абсолютной истины и признание за каждым права на ее совокупное искание (с. 294, 296—297).

Тем самым выдвигались принципиально важные идеи, которые стали выполнять роль несущих конструкций в либеральной системе ценностей, определившей особый *тип* русского либерализма. При этом следует подчеркнуть, что центральное место в этой системе либеральных ценностей занимала проблема *Человека*, понятая и рассматриваемая, как отмечает Осипов, сквозь призму коллективного бытия ". Другое дело, что сам процесс «сборки» либеральных идей в систему проходил в России долго, трудно и мучительно. С одной стороны, их сторонникам, находившимся в тисках авторитаризма и постоянной угрозы плебейско-крестьянского бунта, приходилось преодолевать разного рода «трения» среды. С другой стороны, конструируя собственную модель, они вынуждены были учитывать исторические особенности России (например, роль государства), вековые культурные традиции, своеобразие ментальности большинства и образованного меньшинства.

В статье «Драма противостояния» Пантин проанализировал совокупность условий, в которых пришлось формироваться русскому либерализму. «Для русской (отчасти российской) культуры,— пишет он,— ключевым словом является не личность, как на Западе, а общество (община, „мир", народ и т.п.)». В России преобладает «однонаправленное движение от „общества" (общины, артели, корпорации, коллектива, страны) к индивиду». Поэтому «согласование личных и общественных интересов подменяется здесь их отождествлением за счет низведения первых до степени несущественных». Более того, в России «личность, помимо поглощения ее „миром", поглощена еще и государством». В результате «либеральное направление в России так и не смогло сформироваться в народное движение: либерализма как самостоятельного фактора силы и источника народной инициативы не существовало» ".

Эти наблюдения заслуживают внимания. Вместе с тем важно различать, с одной стороны, неблагоприятные условия, в которых шло формирование либерализма в России, а с другой — собственно либеральную систему ценностей. Учитывая культурные традиции и ментальность большинства, русские либералы стремились «преодолеть» эти неблагоприятные условия, создать иную среду восприятия своих идей, чем та, которая существовала в России. Следует подчеркнуть, что одной из центральных проблем русского (особенно нового) либерализма была проблема свободы личности, которую они и хотели «вписать» в контекст реального коллективного бытия и культурных гуманистических традиций. Первоочередной задачей, во весь рост стояла задача освобождения не столько политического, как отмечает Пантин, сколько экономического. Без экономического раскрепощения народных масс, большинство которых находилось на грани элементарного физического выживания, невозможно было создать «раскрепощенного индивида» ".

Если на Западе формирование либеральной доктрины и политики в общем и целом совпадало по времени с процессом раскрепощения индивидуума, то в России появление либеральных идей предшествовало, значительно опережало освобождение от крепостничества. Недаром русский либерализм с момента своего возникновения нес в себе мощный социальный и демократический заряд, направленный прежде всего на создание предпосылок и условий для раскрепощения личности. Однако процесс раскрепощения индивида в России, как известно, растянулся на продолжительное время, и русский либерализм «застрял» на интеллектуальной стадии формирования. Отмечая, что в России трудно говорить о либерализме в западном смысле слова, Медушевский сходство русского и западного либерализма усматривает «не в родстве их социальной опоры и сущности (которая была различна), а скорее в сходстве их идеологии, программы, объективных целей». В отличие от западного, русский либерализм «имел другую форму и располагал иными (несравненно более слабыми) средствами», основывался на рецепции западноевропейских

идей. Поэтому в России «гораздо интереснее изучать историю либерализма, чем историю либералов, то есть реальный вклад либеральной идеологии в создание нового общества и его политических институтов». Близкую точку зрения высказывает и Пантин: «Но вот парадокс: основополагающим политическим идеям европейского либерализма была уготована в России странная судьба: их изучали, их разделяли, но необходимости в их настойчивом утверждении практически не ощущали».

Затянувшаяся интеллектуальная стадия формирования создавала и свои положительные моменты: не нужно было последовательно проходить все те стадии, которые прошел, например, классический западноевропейский либерализм. Уже на теоретическом уровне русские либералы «перескочили» ряд стадий, пытаясь затем «сверху» внедрить свои идеи в среду. В связи с этим возросло несоответствие между передовой либеральной доктриной и отсталым социумом, не готовым к ее восприятию. В этом состояла драма русского либерализма, забежавшего намного дальше среды восприятия.

В современной историко-философской литературе продолжаются дискуссии по ряду вопросов: когда возник либерализм в России? кого считать первым либералом? являются ли западники и славянофилы разновидностями либерализма? когда либерализм стал социально-политическим движением? каковы причины его поражения в России? «Если мы, — пишет Пустарнаков, — хотим разобраться, что представлял собой русский либерализм, мы должны научиться за видимостью выявлять сущность и уловить момент, когда в России заканчивается период распространения отдельных, разрозненных либеральных по происхождению или по форме, превращенных и паралиберальных идей и начинается распространение принципов адекватного, настоящего либерализма, когда либерализм становится самостоятельным идейным течением» (с. 361).

В литературе наметились две основные тенденции по вопросам периодизации и типологизации русского либерализма. Одни исследователи (например, Новикова и Сиземская) считают, что «либерализм пришел в Россию в виде просвещенного абсолютизма» и в своей эволюции прошел три стадии: 1) с XVIII по 50—70-е годы XIX в.; 2) с 50—70-х по 90-е годы XIX в. и 3) с 90-х годов XIX века. На первом этапе в творчестве А.Н.Радищева либерализм уже обрел черты «достаточно последовательного социально-политического учения», имел «общие корни с революционно-демократической идеологией». На втором этапе, который авторы считают классическим, либерализм в лице К.Д.Кавелина и Б.Н.Чичерина получил теоретическое обоснование как идейное направление русской социально-философской мысли. С 90-х годов XIX в. начинается постепенное оформление нового либерализма, пик развития которого падает на первую четверть XX века. По мнению А.В.Гоголевского, период зарождения и становления либеральных идей охватывает значительный исторический отрезок, с XVIII в. до 1905 года. При этом автор считает, что политическая доктрина русского либерализма уже сформировалась на рубеже XVIII—XIX вв. и получила свое первое воплощение в творчестве Радищева "".

Другие исследователи зарождение русского либерализма относят к середине XIX века. «При господстве абсолютистского, централизованного, бюрократического, полицейского государства, по определению несовместимого ни с либеральной идеей суверенитета нации, ни с политической свободой, — подчеркивает Пустарнаков, — адекватные политические принципы либерализма до середины XIX в. не могли получить в России распространения». По его мнению, заимствованные с Запада либеральные идеи в России «до середины 50-х годов XIX в. представляли прививки к нелиберальным деревьям». Запоздалость формирования русского либерализма привела к тому, что «настоящий русский либерализм рождается сразу по преимуществу в постклассической форме». Приленский считает провозвестником и предтечей теоретического либерализма Т.Н.Грановского. А наиболее яркими и последовательными проводниками либерального мышления в России, по его мнению, были Кавелин и Чичерин (с. 363—364, 362, 364, 139). Согласно утверждению Гаджиева, либеральное мировоззрение в России укоренилось лишь в конце XIX — начале

XX века ".

Дискуссии по проблеме периодизации русского либерализма, естественно, связаны с его типологизацией, также вызывающей разнообразные суждения, мнения. Наряду с традиционной типологизацией: старый (дворянский), земский, новый (интеллигентский), буржуазный и т. п., русский либерализм подразделяют на классический, постклассический, правительственный, соборный и даже самодержавный. Отсюда видно, что до сих пор не разработана система критериев и приоритетов как для периодизации русского либерализма, так и его типологизации, и при ее создании, видимо, придется учесть нижеследующие соображения.

Во-первых, в странах догоняющего типа развития возможна иная последовательность смены фаз (стадий), а также «перескоки» из низшей стадии сразу в высшую, минуя ряд промежуточных ступеней. Если учесть, что в России либерализм на длительное время «застрял» в интеллектуальной фазе (стадии) развития, то подобного рода «перескоки» на теоретическом уровне вполне объяснимы. Неслучайно некоторые философы считают, что русский либерализм «проскочил» классическую стадию и сразу стал формироваться в постклассическом варианте. Думаю, что данное утверждение не совсем корректно. На Западе процесс зарождения либеральных идей так или иначе соответствовал состоянию среды, а точнее, продуцировался и корректировался ею, русским же либералам приходилось заимствовать уже сложившуюся систему либеральных ценностей в их «снятом» виде и трансформировать их в собственную ценностную систему с учетом российских реалий.

Во-вторых, либеральные идеи могли разделять и цари, и бюрократы, и сторонники церковного обновления, и отдельные представители тех или иных социальных слоев, но это еще не означает, что все они могут и готовы воспринять либеральную систему ценностей как целое. Более того, отдельные, взятые сами по себе, либеральные идеи могут быть использованы (и, естественно, использовались) для подпитки и ситуационного укрепления традиционной системы. В этом смысле либеральные идеи могут выполнять не свойственную им функцию, о чем справедливо говорит Пустарнаков.

В-третьих, когда мы говорим о стадиях формирования русского либерализма, то следует иметь в виду, что его носителями были все же не представители разных социальных страт, а представители разных генераций интеллектуальной элиты. В сущности своей русский либерализм никогда не был классовым. Он представлял собой одно из течений русской общественной мысли. По самым оптимальным подсчетам Н.М.Пирумовой и К.Ф.Шацилло, в России в конце XIX и начале XX в. соответственно насчитывалось 300 и 1500 лиц, в той или иной степени разделявших систему либеральных ценностей. С момента создания протопартийных, а затем и партийных структур либерализм стал постепенно превращаться из интеллектуального течения в социально-политическое движение, которому тоже не удалось пустить глубокие корни в среде. Используя образное сравнение Пустарнакова, можно сказать, что превращение либерализма в «отдельное растение» шло в России с большим трудом и напряжением. Скажу больше: ни почва (среда), ни само «семя» (либерализм) не благоприятствовали взращиванию «дерева» с мощной «корневой» системой (либеральные ценности), которое давало бы богатые плоды.

В-четвертых, русский либерализм сформировался в ценностную систему лишь в начале XX в. благодаря прежде всего мощным интеллектуальным усилиям новой генерации русской интеллигенции. Именно интеллектуалы новой генерации создали рациональную теоретическую модель современного либерализма, которая по ряду параметров, о которых говорилось выше, превосходила западные образцы. Некоторые идеи, выдвинутые русскими интеллектуалами в начале XX в., опередили свое время и стали реализовываться в передовых западноевропейских странах лишь после второй мировой войны. Поэтому можно утверждать, что русские либералы-интеллектуалы не только ввели русский либерализм в «общую семью либерализма» в качестве ее нового члена, но и обогатили ее новыми творческими идеями, имеющими непреходящее значение для развития науки о *Человеке*, о

его неотъемлемых свободах и правах.

В-пятых, в отличие от Запада, где формирование либерализма на интеллектуальной стадии постоянно корректировалось повседневной либеральной практикой, русские либералы, задержавшись на интеллектуальной стадии, не смогли реализовать их на практике. Русский либерализм представлял собой *тип мышления* для крайне узкого круга интеллектуалов, но он так и не стал *образом действия* для тех широких социально-политических сил, интересы которых они пытались выражать на политической арене. В этом состояла не только драма, но и трагедия русского либерализма.

Таким образом, к русскому либерализму едва ли применима типологизация, которая используется при изучении западноевропейского либерализма. Русский либерализм не был ни классическим, ни постклассическим. Это был особый *тип интеллектуального либерализма*, возникший и формировавшийся прежде всего на теоретическом уровне в неадекватной среде. Русским либералам еще предстояло создать такую среду восприятия. И они, естественно, поддерживали те шаги авторитарного режима, которые были ходом вещей направлены на создание элементов такой среды. Логика исторического развития заставляла авторитарный режим реагировать на вызовы времени, решать объективно назревшие задачи общественного развития, проводить, во имя самосохранения, и структурные, и системные реформы, которые должны были прежде всего и больше всего способствовать укреплению данной политической системы. Разумеется, в ходе этих реформ, вопреки первоначальным замыслам их творцов, появлялись и элементы, порождающие новую среду, которая в определенной степени напоминала либеральную или же в той или иной степени готовую к восприятию либеральных идей. Однако представителей авторитарного режима — авторов этих реформ едва ли можно и нужно считать либералами в собственном смысле слова. Опыт истории показал, что подлинные, а не пара-квази-, псевдо-либеральные идеи зарождаются и формируются в либеральную ценностную систему в иной среде, а их носители ставят и решают принципиально иные проблемы. Либералы выступали за создание иной ценностной мировоззренческой системы, иной среды восприятия (гражданское общество), на основе которой и предполагали создать иную политическую систему, иные институты, структуры и механизмы организации социума. Либеральная система ценностей является как бы ферментом, позволяющим формировать иной тип мышления, иную организацию социума, иной образ жизни. При всей, может быть, высокой оценке преобразований, предпринимавшихся в России царями, правительственными бюрократами, церковными обновленцами, этих деятелей, все же нельзя считать либералами.

Либерализм как идея, а затем и ценностная система может зародиться и сложиться в голове внутренне свободного человека, способного к интеллектуальному творчеству, для которого свобода личности самоценна, а самореализация потенций личности является аксиоматической. С этой точки зрения нельзя отделять либерализм и демократию, что является лакмусовой бумажкой для выявления подлинного либерала, отличая его от пара-квази-псевдо-либерала. Заслуга русских либералов-интеллектуалов начала XX в. и состоит как раз в том, что они предприняли плодотворную попытку соединить либерализм и демократизм. Более того, на теоретическом уровне *они* признали актуальность «правового социализма» как следующей ступени общественного развития. По существу, русские либералы-интеллектуалы создали *открытую* теоретическую модель для будущего открытого гражданского общества и правового государства, позволяющих личности реализовать свои потенциальные возможности.

В обществоведческой литературе предпринимаются попытки, с одной стороны, выявить комплекс причин, приведших русский либерализм к поражению в начале XX в., а с другой — поразмыслить над его перспективами в современной России. Пантин усматривает причины неудачи русского либерализма в культурном расколе высших и низших классов и, кроме того, в ограниченности пределов (пространственных и временных) новоевропейской цивилизации в условиях вызревания плебейско-крестьянской революции[^]. По-видимому, здесь схвачена

самая суть первопричин, обусловивших поражение русского либерализма. Однако были и другие причины.

Во-первых, русские либералы-интеллектуалы конструировали свою теоретическую модель переустройства России, исходя по преимуществу из желаемого — того, что, по их мнению, отражало ведущую тенденцию общественного прогресса. Однако «зазор» между идеально желаемым и реально существующим в России оказался настолько велик, что их модель не была адекватна исторической среде восприятия.

Во-вторых, русский либерализм был расколот уже на теоретическом уровне. По существу, либеральная теоретическая модель общественного переустройства России представляла собой своеобразный синтез нескольких субмоделей, получивших воплощение в программах различных либеральных партий. В итоге раскол либералов на теоретическом уровне привел их к расколу на программном и организационном уровнях. Вместо единой либеральной партии в России возникло и действовало несколько либеральных партий, что, естественно, не могло не сказаться на консолидации либеральной оппозиции, на выработке и осуществлении ею стратегического и тактического курса.

В-третьих, в отличие от западноевропейского либерализма, имевшего прочную опору в средних слоях, русский либерализм такой широкой социальной опоры не имел. Будучи интеллектуальным, русский либерализм лишь мечтал о том, что ему в обозримом будущем (на пути реализации своей программы) удастся создать адекватную социальную базу. Конструируя свою теоретическую модель, либералы-интеллектуалы питали надежду, что им рано или поздно при содействии правового государства удастся создать широкий социальный базис для утверждения в России гражданского общества, правовых институтов, рыночной экономики.

В-четвертых, русский либерализм оказался не только на уровне социума, но и на уровне политики без адекватной среды его восприятия. С одной стороны, либеральная модель была неприемлема для авторитарного режима — даже трансформировавшегося в третьеиюньскую политическую систему, для поддерживавших его традиционалистски настроенных правоконсервативных сил, усматривавших в либералах (кстати, не без основания) «революционеров», замысливших радикальный переворот во всех сферах жизни. Не получив ни понимания, ни тем более поддержки со стороны авторитарного режима, либералы оказались в весьма сложной ситуации, ибо лишились тех государственных институтов и рычагов, с помощью которых надеялись реализовать свою модель. После же Февральской революции 1917 года попытки либералов сделать это были блокированы диаметрально противоположными бывшему авторитарному режиму силами — леворадикальными партиями социалистического толка, усматривавшими в них «буржуа», стремившихся к той же эксплуатации трудящихся масс, но более тонкими, цивилизованными методами. Попытки либералов «переплавить» традиционное массовое сознание в новое, конституционное и правовое, также не увенчались успехом. Полярность социальной структуры российского общества, служившая основой и культурного раскола, развела «верхи» и «низы» по разные стороны политических баррикад. В этих условиях возможности уговорить тех и других стать политическими, а тем более социальными партнерами не существовало. Того, кто становился между двумя враждебными социально-политическими силами, стремившимися навязать свое решение всех проблем, ожидал трагический конец. Либералы сами оказались перемолотыми между этими двумя жерновами.

Несмотря на свое поражение, они все же внесли свой вклад в развитие философской и общественно-политической мысли. В начале XX в. русский либерализм достиг очевидных интеллектуальных высот, стал зрелым, обогатил мировую либеральную практику важным политическим опытом. Русским либералам-интеллектуалам удалось создать рационалистическую мировоззренческую систему, в основу которой были положены общечеловеческие ценности. Однако нельзя забывать о том, что даже самые хорошие теоретические модели могут оказаться (и оказались) не востребованными или даже

отторгнутыми исторической средой, если она внутренне не созрела для их восприятия. В этом смысле можно сказать, что идеи русских либералов начала XX в. опередили свое время.

По логике вещей казалось, что трагический опыт русских либералов будет учтен и творчески переработан и воспринят современными российскими либералами. Однако те предпочли обратиться не к отечественному, а к западному опыту либерализма. В этой связи исследовательского внимания заслуживают заключения ученых и политиков, оценивающих возможные перспективы либерализма в современной посткоммунистической России.

В обществоведческой литературе и среди реальных политиков можно условно выделить два направления. К числу первых («оптимистов») следует отнести тех ученых и политиков, прежде всего либеральной ориентации, которые активно способствовали трансформационным изменениям, а сейчас принимают непосредственное участие в теоретической разработке и практической реализации современного политического курса ". Характерно, что эти ученые и политики самоидентифицируют себя не с русским, а с западным классическим либерализмом, причем в его американском варианте. Они самым решительным образом отрицают какие-либо «особые пути» развития России, своеобразие культурной традиции, ментальности большинства. «Исторический опыт россиян свидетельствует: русский человек — это не соборный, общинный, коллективный человек, а нормальный Человек Разумный, в меру социальный, в меру индивидуальный, в меру коллективный, в меру либеральный. Русский человек не меньше других ценит свободу, и его не удастся уже никому загнать в политическую и экономическую «зону», резервацию несвободы. В этом, собственно говоря,— подчеркивает А.В.Улюкаев,— и есть суть российского либерализма» ".

По существу отказавшись от осмысления трагического опыта русского либерализма начала XX в. современные теоретики либерализма настаивают на том, что Россия развивается в общецивилизационном западноевропейском русле и поэтому надо лишь «снять» ряд препятствий, которые «мешают» объективно назревшим трансформационным изменениям. Среди этих препятствий подлежат разрушению (революционному слому): во-первых, «традиции восточного государства», которое, по образному выражению Е. Т. Гайдара, надо «укоротить», и, во-вторых, «основы планово-распределительной хозяйственной системы». Взамен «восточного государства» предполагается создать «минимизированное» правовое государство, а вместо планово-распределительной системы — рыночную капиталистическую экономику, которая, по словам Улюкаева, и станет базисом для либерализма. Задача политиков состоит в том, продолжает Улюкаев, чтобы «соединить либерализм, реформаторскую идеологию с буржуазным, предпринимательским „движением"» ".

Современные либеральные теоретики и политики понимают, что социальный базис для либерализма в России весьма узок, поэтому они решительными мерами пытаются насадить его «сверху», осуществляя при этом самые непопулярные шаги (например, либерализация цен, денежная реформа, приватизация). Отказавшись от концепции «дирижизма», современные либералы проповедуют идею «человек, помоги себе сам». По мнению Улюкаева, центр практического либерализма в настоящее время перемещается из Америки в Россию и поэтому его идеология — бог любит работающих и богатеющих, а не бедных, сирых и убогих — «укореняется в России и скоро займет здесь ясные лидирующие позиции». Выдавая желаемое за действительное, Улюкаев приходит к общему выводу: «У либерализма есть серьезные шансы идеологического лидерства в современной России» ".

Другие отечественные и зарубежные ученые и политики «пессимисты» более критически оценивают шансы современного российского либерализма. Ромозер пишет: в условиях современной России «либерализм непригоден ни как метод, ни как терапия». По мнению М. Урнова, в обозримой перспективе либерализм в России обречен оставаться по преимуществу либерализмом экономическим». Открывая специальный тематический номер журнала «Политические исследования», посвященный истории и перспективам либерализма в России,

его главный редактор И.К.Пантин сделал обобщающее заявление: «Как в свое время в России насильно внедряли вульгаризированный марксизм, так и сейчас к ней пытаются привить упрощенную до предела версию либерализма»". Что правильно, то правильно.

В последнее время плодотворную попытку проанализировать современное состояние идеологии и практики либерализма в посткоммунистической России предпринял В. В. Согрин. Основную причину кризисных явлений в современном либерализме он усматривает в отсутствии сколько-нибудь длительного периода философски-теоретического и идеологического вызревания либерализма и в полном игнорировании российской дооктябрьской либеральной традиции. «При ознакомлении с идеологией современных российских политиков этого толка,— пишет он,— создается впечатление, что они не были знакомы не только с идеями, но даже с именами Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, П. Н. Милюкова, других выдающихся либералов дооктябрьской России, чья эволюция заключала в себе важные уроки, которые помогли бы нашим современникам избежать многих просчетов, пройти этап ученичества с меньшими потерями».

Анализируя теоретические посылки и программные установки современных либералов, Согрин одну из главных причин их неудач видит в том, что, по их убеждению, «модернизация в России может копировать только западный опыт». А отсюда: современные либералы «своим эпигонством и утопизмом» за сравнительно короткий срок (менее десяти лет) завели либерализм «в состояние глубокого кризиса, выход из которого сегодня представляется проблематичным» "'^'.

Все это лишь подтверждает вековую горькую истину: кто игнорирует уроки прошлого, тот платит дважды. Правда, парадокс истории состоит в том, что самую высокую цену платят не теоретики и политики, если не расстанутся, в конце концов, с головой, а основная масса населения, над которой проводятся эксперименты. Прошлые и особенно нынешние либеральные теоретики и политики чувствовали и чувствуют лично себя комфортно, чего нельзя сказать об основной массе населения. Игнорирование исторических, культурных, национальных, конфессиональных традиций, особенностей ментальности уже неоднократно оканчивалось трагедией для России, которая продолжает поиски собственного пути национального развития.

В настоящее время накоплен огромный фактический материал о русском либерализме, нуждающийся в осмыслении. Стало очевидным, что историческое познание русского либерализма, его трагической судьбы и перспектив возможно только в общем контексте условий развития России, ее национально-культурных традиций, с учетом ментальности большинства. Ясно и то, что русский либерализм представляет собой особый тип либерализма, занимающий в «общей семье либерализма» свое собственное место, а его история является частью общей истории этой многоликой семьи. Опыт историографического и историософского рассмотрения убеждает в том, что для изучения и осмысления либерализма вообще, русского в частности, требуется концентрация усилий обществоведов различных специальностей, ибо в рамках какой-то одной дисциплины достичь качественно новых исследовательских результатов уже представляется затруднительным, а подчас и невозможным.

Примечания

1. АЛАФАЕВ А. А. Русский либерализм на рубеже 70—80-х годов XIX в. М. 1991; ВАЛИЦКИЙ А. Славянофильство— западничество. М. 1992; ВАНДАЛКОВСКАЯ М.Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер. М. 1992; ДУМОВА Н. Г. Либерал в России. Ч. 1. М. 1993; СЕКИРИНСКИЙ С. С., ФИЛИППОВА Т. А. Родословная российской свободы. М. 1993; ВИШНЕВСКИЙ Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М. 1993; КУНЦЕВИЧ К. М. Либерализм: сущность, истоки, перспективы. Минск. 1993; ДАВЫДОВ М. А. Оппозиция его величества. М. 1994; СЕКИРИНСКИЙ С. С., ШЕЛОХАЕВ В. В. Либерализм в России. М. 1995; ОСИПОВ И. Д. Философия русского либерализма XIX — начала XX в. СПб. 1996; ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. П. Кризис индустриальной культуры. М. 1996; ГОГОЛЕВСКИЙ А. Очерки русского либерализма XIX начала XX века. СПб. 1996; ОЛЕЙНИКОВ Д. И. Классическое российское западничество. М. 1996.

2. Либерализм в России. М. 1993; Либеральная модель общественного переустройства России конца XIX

— начала XX века. М. 1994; Русские либералы: кадеты и октябристы. М. 1996; Опыт русского либерализма. Антология. М. 1997.

3. Либерализм в России. М. 1996. Ссылки на страницы этой книги далее даются в тексте.

4. ГАБИДУЛЛИНА Н. Либерализм в России (историко-философский анализ).— Вестник высшей школы, 1992, ¹ 7; ГАЙДЕНКО П. П. Под знаком меры.— Вопросы философии, 1992, ¹ 12; ПЕРОВ Ю. В. Либеральный гуманизм и мифологемы отечественной истории.— Вестник С.-Петербургского университета, 1993, Серия 6, вый. 4; НОВИКОВА Л. И., СИЗЕМСКАЯ И. Н. Идеи истоки русского либерализма. — Общественные науки и современность, 1993, ¹ 3; СИЗЕМСКАЯ И. Н., НОВИКОВА Л. И. Новый либерализм в России.— Там же, 1993, ¹ 5; КАПУСТИН Б. Г., КЛЯМКИН И.М. Либеральные ценности в сознании россиян.— Полис, 1994, ¹ 1—2; МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия.— Вопросы истории, 1996, ¹⁹; и др.

5. Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти тт. Т. 1, 2, 4, 5. М. 1996—1997; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 1. М. 1997; Партия «Союз 17 октября». В 2-х тт. Т. 1. М. 1996.

6. НОВГОРОДЦЕВ П.И. Об общественном идеале. М. 1991; ХАЕК Ф.А. Бегство от свободы. М. 1991; ФРАНК С.Л. Духовные основы общества. М. 1992; ХАБЕРМАС Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. 1992; ТРУБЕЦКОЙ Е. Н. Миросозерцание В. С. Соловьева. В 2-х тт. М. 1995; и др.

7. В 1992—1996 гг. в Москве состоялись научные конференции в Фонде экономической свободы на тему: «Россия: есть ли у либерализма шанс?» (декабрь 1992 г.); в Совете внешней и оборонной политики по проблемам современного российского либерализма (март 1993 г.); в Международном фонде социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд) на тему «Современная социальная концепция: либеральное видение»; в Государственной публичной исторической библиотеке на тему «Либерализм в России» (февраль 1995 г.).

8. Открытая политика, 1995, ¹ 2—4, 7; 1996, ¹ 9/10.

9. ДУМОВА Н. Г. Российский либерализм в освещении современной англо-американской историографии. В кн.: История СССР в современной западной немарксистской историографии. М. 1990; МЕДУШЕВСКИЙ А. Н. Либерализм как проблема современной западной историографии.— Вопросы истории, 1992, ¹ 8—9; АРСЛАНОВ Р.Л. Ранний русский либерализм в освещении французских историков.— Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия «История, философия», 1993, ¹ 1; НАРСКИЙ И. В. Российский либерализм в европейском и национальном контексте. В кн.: История национальных политических партий России. М. 1997.

10. ГАДЖИЕВ К. С. Политическая наука. М. 1994, с. 263.

11. Там же, с. 266.

12. См.: ЗАГОРОДНИКОВ А. Н. Западный либерализм в прошлом и настоящем. М. 1993.

13. САМУЭЛЬ Г. Либерализм. М. 1905; Либерализм в России. М. 1996, с. 52.

14. РОМОЗЕР Г. Пути либерализма в России.—Полис, 1993, ¹ 1, с. 34.

15. КАПУСТИН Б. Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах.— Там же, 1994, ¹ 3.

16. РОМОЗЕР Г. Ук. соч., с. 33; Либерализм в России, с. 79, 84, 103, 303.

17. НОВИКОВА Л., СИЗЕМСКАЯ И. Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России.— Свободная мысль, 1993, ¹ 15, с. 68; ВАЛИЦКИЙ А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века. — Вопросы философии, 1991, ¹⁸, с. 37.

18. Ёї.: СЕЛЕЗНЕВА Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону. 1995, с. 173.

19. КАПУСТИН Б. Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии.—Полис, 1994, ¹ 5, с. 30.

20. ОСИПОВ И. Д. Ук. соч., с. 31.

21. ПАНТИН И. К. Драма противостояния.— Полис, 1994, ¹ 3, с. 77.

22. ОСИПОВ И. Д. Ук. соч., с. 35, 49.

23. WALICKI A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Lnd. 1992, p. 5; НОВИКОВА Л. И., СИЗЕМСКАЯ И. Н. Ук. соч., с. 72.

24. ОСИПОВ И. Д. Ук. соч., с. 12.

25. ПАНТИН И. К. Ук. соч., с. 79.

26. Там же, с. 87.

27. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. История русской социологии. М. 1993, с. 110— III; ПАНТИН И. К. Ук. соч., с. 77—79.

28. НОВИКОВА Л. И., СИЗЕМСКАЯ И. Н. Ук. соч., с. 69—73; ГОГОЛЕВСКИЙ А. В. Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX века. СПб., 1996, с. 151.

29. ГАДЖИЕВ К. С. Ук. соч., с. 263—264.

30. ПАНТИН И. К. Ук. соч., с. 82.

31. См.: ГАЙДАР Е. Государство и эволюция. М. 1995; его же. Аномалии экономического роста. М. 1997; УЛЮКАЕВ А. Либерализм и политика переходного периода в современной России. М. 1995; его же. Россия на

пути реформ. М. 1996; Реформы для большинства. М. 1995.

32. УЛЮКАЕВ А. Либерализм и политика, с. 75.

33. ГАЙДАР Е. Государство и эволюция, с. 41, 54; УЛЮКАЕВ А. Россия на пути реформ, с. 35—38, 47.

34. УЛЮКАЕВ А. Россия на пути реформ, с. 72—73, 74.

35. РОМОЗЕР Г. Ук. соч., с. 33; Либерализм в России. М. 1993, с. 93; Полис, 1994, ¹ 3, с. 4.

36. СОГРИН В. В. Второе пришествие либерализма в Россию.— Отечественная история, 1997, ¹ I.е. III—112, 116.